

От автора

Истории связывают нас, помогают сострадать друг другу, расширяют и изменяют картину мира. Они могут изменить и сам мир.

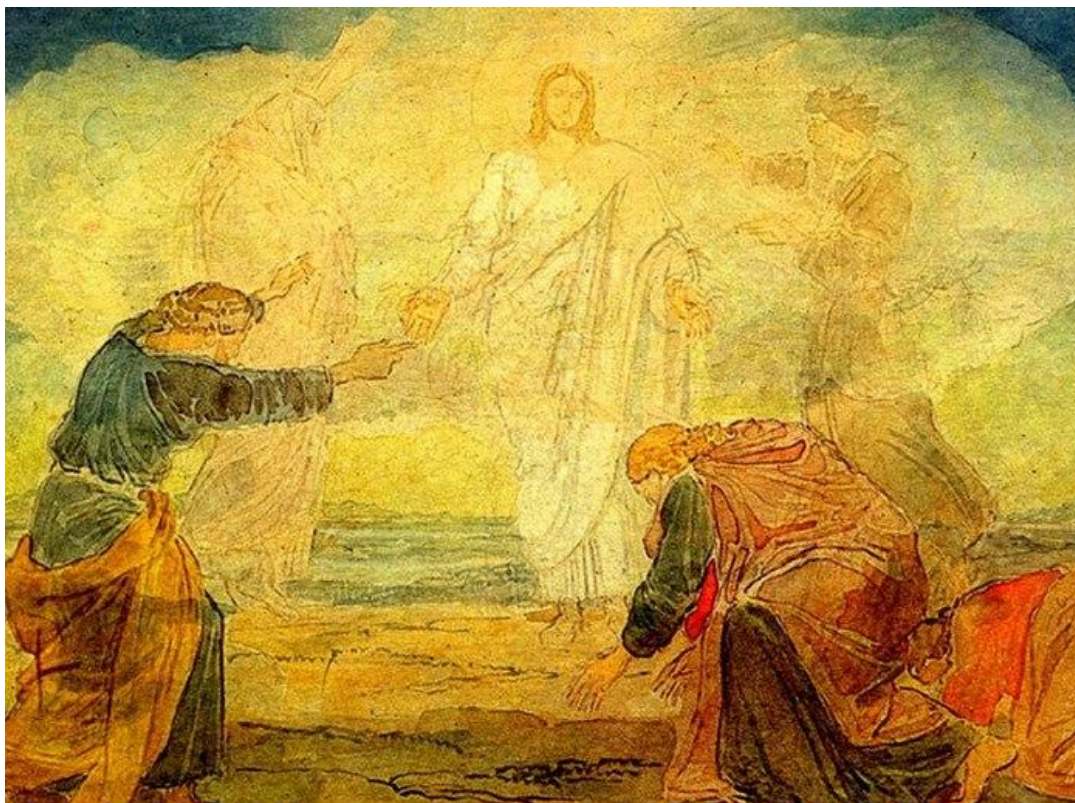
С детства я обожал истории. Тогда это был способ уйти от боли, от которой я, трансгендерный ребенок, не мог избавиться во враждебном мире. Истории стали моей защитой и утешением.

Сейчас я все еще обожаю истории. Мне нравится чувствовать связь, возникающую, когда я читаю строчки, так прекрасно описывающие то, что я чувствую. Мне нравится эмпатия, которая возникает, когда я погружаюсь в чью-то историю и понимаю, пусть и совсем чуть-чуть, каково это – быть тем человеком, который это написал.

Конечно, совершенно понятно, что и я решил рассказать свою историю. В эссе, проповедях, изображениях, я рассказываю историю своей жизни – историю того, как из фундаменталиста-евангелика, выросшего в Пенсильвании, я стал первым открытым трансгендерным человеком, рукоположенным в Старой католической церкви.

Спасибо, что вы читаете мои истории. Надеюсь, в них вы сможете найти себя, воскликнуть: «Да это же про меня!» - или почувствовать, каково быть трансгендерным человеком.

Преображение

По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илию. Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте. И, услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь. Возведя же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса. И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых.

Матфей 17:1-9

Это — момент большого камин-аута. В этот момент он открывает ученикам правду о себе; правду о своей главной идентичности. Он показывает им очень личную Истину о себе. В горы Иисус берет только тех, кому доверяет больше всего. Это — не время рассказывать правду всем, он не говорит с толпами. Он открывается лучшим друзьям; тем, кому он доверяет; тем, кто останется с ним, что бы ни случилось.

В этот момент Иисус рассказывает о том, что будет дальше. Он дает понять, что то, как он жил раньше, вскоре изменится, но его друзья не вполне понимают, о чем он. Они в курсе его двойной идентичности, но не хотят, чтобы что-то менялось. Они хотят построить убежище для него (куща — шатер). Ученики

видели нечто потрясающее: то, как Иисус преображается перед ними; на мгновение они видят то, что будет, но вместо того, чтобы понять, что произошло, они хотят безопасности для Иисуса (и для себя). Можем ли мы винить их? Ради этого человека они отказались от своих жизней, доверились ему, а теперь он хочет все поменять. Конечно, они хотят построить шатер, чтобы он там оставался. Это безопаснее, чем альтернатива, которую он предлагает.

Вторая интересная часть этого фрагмента — запрет Иисуса. Он говорит ученикам не сообщать никому о том, что видели, пока он не воскреснет из мертвых. Уверен, такая просьба показалась им очень странной. Они до сих пор не поняли до конца, по какому пути идут. Они не поняли, что Иисус собирался сделать и что с ним случится. Иисус показал им чуть больше. Я уверен — он думал о том, что люди посчитают его сумасшедшим, если он опишет им все, что будет дальше. Должно быть, он думал — люди начнут говорить, что он просто хочет внимания и пытается быть кем-то другим. Его решение скрыть информацию кажется вполне осмысленным. *Что, если у меня ничего не получится? Что, если я не смогу стать тем, кем являюсь? Может быть, было бы легче, если никто не будет знать, пока я не буду уверен, что все получится? И потому он просит друзей молчать. Никому не рассказывать о том, что произойдет. Давайте посмотрим, как все развернется, а тогда уже расскажем другим.*

Во всем отрывке есть множество параллелей с трансгендерным камин-аутом. Я рос с ощущением, что все не совсем так, как должно быть. Что-то во мне отличало меня от друзей. В моей идентичности было что-то, чего я не мог выразить. Я годами жил с такой двойственностью прежде чем понял, что могу все изменить. Еще больше времени понадобилось, чтобы отважиться кому-то об этом рассказать. Мы с друзьями не ходили ни на какую гору, но говорил с ними один на один или в маленьких группах. Я посвящал их в свою историю, в свой путь, рассказывал, что кое-что скоро изменится, а еще — надеялся, что на этом пути я буду не один, а с ними.

Я начал с того, что рассказал самым лучшим друзьям и партнеру. Они поддержали меня и мою идентичность. У них родилось понимание того, что я должен продолжать идти по своему пути, хотя никто не понимал, что это значит. Но даже притом, что они поддержали меня, некоторые из них хотели построить убежище и оставить все как есть. Вне зависимости от того, боялись они за мои безопасность и здоровье, или боялись, что человек, которого они любят, изменится слишком сильно, эффект был одинаков: *мы любим тебя, но не хотим, чтобы ты делал это. Мы поддерживаем тебя, но давай ты останешься как есть. Ты так долго жил в этом теле, может, просто смиришься с таким положением вещей? Примешь себя таким, какой ты есть?*

Но в этом и дело: я принял себя такой, какой я есть. Я принял реальность того, что должен преобразиться. И если люди в моей жизни действительно хотели знать меня, они должны были увидеть преобразование. Они должны были спуститься с горы вместе со мной и пойти вместе со мной в Иерусалим.

Как только вы открываете истину о себе, внутри просыпается часть, которая хочет сказать тем, кому вы открылись: молчите. На начальных стадиях медицинского перехода я думал: вдруг с анализами будет что-то не так, и мне не выпишут гормональный препарат? Вдруг мне не разрешат делать операцию? Вдруг ничего не получится? Как я могу рассказать людям обо всем и потерпеть неудачу? Поэтому я хотел держать все в тайне. Я не хотел делать камин-аут сразу, а хотел

сначала посмотреть, как пойдет мой переход, а потом уже беспокоиться об остальном мире.

Друзья спускаются с горы вместе с Иисусом, хотя и не знают, что будет дальше. А потом идут вместе с ним в непонятное будущее. Они идут вместе, и меняется каждый из них.

Аве Мария

В Евангелии от Матфея мы почти не видим матери Иисуса. В отличие от ее образа в Луке, здесь она — только короткая строчка в истории рождения Иисуса. Текст концентрируется на Иосифе. Детство Иисуса не описано, и в следующий раз мы сталкиваемся с ней только в двенадцатой главе, когда она приходит к Иисусу вместе с его братьями. Иисус отвечает: «Кто Мать Моя? И кто братья Мои?» Нигде не говорится о том, вышел ли он поговорить с ними. В тексте Матфея Марии нет у подножия креста, она не приходит к могиле: во всем тексте она упоминается два раза.

В Евангелии от Иоанна Мария есть у креста. Иисус даже говорит о ней: Он просит позаботиться о ней ученика, «которого он любил», и этот ученик берет Марию в свою дом (Иоанн 19:26-27)

Почему Мария иногда так важна для текста, а иногда ее роль сводится к паре упоминаний? Какова была ее роль в жизни и служении Иисуса?

Я много думаю о Марии. О том, насколько сложной личностью скорее всего она была. Сколько в ней было силы, ведь она родила сына вне брака во времена, когда это жестко осуждалось. В ней была сила надеяться на Бога, не понимая, что Он делает. А потом — растить сына, видеть, как он покидает дом и отправляется учить людей. Слышать рассказы о его деяниях, думать о том, что с ним случиться. Она наверняка знала, как меняется мнение общества о нем, беспокоилась, что ее ребенок попадет в беду.

Я думаю о том, почему она пришла с братьями Иисуса, почему хотела говорить с ним. Может быть, она хотела вернуть его домой? Может быть, собиралась попросить прекратить все эти глупости и позаботиться о семье? Должно быть, ей было больно, когда он назвал семьей людей вокруг, а не свою плоть и кровь.

У нас, трансгендерных детей, сложные отношения с семьями. Я знаю, что разговор о матерях и отцах задевает нас за живое. Некоторых из нас отвергли семьи — выгнали из дома, вычеркнули из жизни. У некоторых, наоборот, семьи оказались любящими и поддерживающими.

Моя история где-то посередине, и она еще не кончилась. История Иисуса и его матери притягивает меня. Непонятно, где его биологический отец, приемный — отдаленная фигура, которая исчезает то ли до того, как Иисус становится взрослым, то ли сразу после. Это похоже на мою ситуацию.

Когда я рос, мы с мамой были очень близки. Я был единственным ребенком (пока в 20 не удочерили мою сестру), в старших классах я был на домашнем обучении и проводил с мамой много времени. Я говорил с ней обо всем. До тех пор, пока не понял, что она не одобрит мой путь. Тогда я перестал с ней столько разговаривать, или говорил, но не о том, что было важно. Со временем пропасть между нами только росла. Я со своей колокольни думал, что она слишком консервативна, не хочет меня слушать, не поймет. Я уверен, что она боялась, что я сделаю неправильное решение, тревожилась из-за того, что я отдаляюсь.

Когда я сделал камин-аут (сначала гомосексуальный — я был в отношениях с женщиной), она огорчилась, но проявила доброту. Она приняла мою партнершу, приглашала ее к нам, даже пришла на нашу свадьбу. Все это время я держал ее в курсе того, что происходит — сказал, когда мы обручились, сказал, когда мы назначили свадьбу. Было сложно говорить об этом, но я знал, что эти разговоры важны.

Потом я съехал от нее и поселился с партнершей. Я понял, что я трансгендерный человек, и что мне нужен переход. Много времени на психотерапии, которая предшествовала медицинскому переходу, я говорил о том, как моя мама справится с моим решением. Мне было страшно. На самом деле, мне кажется, что одной из причин, из-за которых я так долго не мог принять свою трансгендерность, был то, что я знал/чувствовал: мама откажется от меня. А от этого страха рождался новый: страх того, что она не позволит мне видеться с сестрой.

Разговор все откладывался. Я уже начал тестостерон, но все еще не рассказал маме. Мой голос начал ломаться, а я так и не поговорил с ней. В итоге я просто перестал ей звонить, потому что мой голос уже отличался так сильно, что делать вид, будто ничего не происходит, было невозможно. Но я просто не мог набраться храбрости и рассказать.

После полугода на тестостероне я сел и написал маме письмо. Я чувствовал себя трусом, но не мог отважиться на другой способ камин-аута. Поэтому я отправил письмо и ждал. И боялся.

Вначале она ответила, что любит меня, но ей нужно время. Большим облегчением было узнать, что она любит меня. Потом она попросила встретиться, и мы пошли в кафе. Я был очень напряжен, меня тошнило. Все было нормально: я поделился тем, что происходит со мной, она рассказала, через что проходит, и все.

Следующие несколько месяцев все было непонятно. То она звонила на мой День рождения и говорила так, что я чувствовал, что теряю семью, потом писала доброе письмо. Мне казалось, что мама всегда будет видеть меня как свою маленькую дочку, и ничто не может это изменить.

Потом я принял решение об операции. Мама расстроилась, умоляла меня передумать, попросила поговорить с ее пастором. Пастор прислал мне злобное письмо, в котором говорил о том, как я несчастен, если хочу изменить тело, хотя на самом деле я впервые в жизни был счастлив. Все эти звонки и письма были очень тяжелы. Мне казалось, что мама все-таки откажется от меня.

Примерно в то же время моя сестра попала в больницу. Я бросил все и приехал домой к маме, чтобы сидеть с приемным братом. Мне пришлось пробыть там неделю, я не ходил на работу, отменил все планы... после этого все начало меняться. Она больше не говорила, что я не ответил на письмо пастора. Когда операция закончилась, она обняла мою партнершу и поблагодарила ее за то, что она со мной, что заботится обо мне. Потом мама позвонила у рождественское утро (меня выписали из больницы в Сочельник) и пригласила нас в гости, потому что хотела быть с семьей в Рождество.

С тех пор все становится лучше. Она все еще называет меня в женском роде, но называет не дочкой, а ребенком. Однажды она назвала меня женщиной, но извинилась. Брат и сестра никуда не делись из моей жизни, они поддержали меня во время развода.

Поэтому я думаю о Марии и ее пути: от того момента, когда она осталась на улице, до того, когда она стояла у подножия креста. Ей просто хотелось, чтобы ее ребенок был в безопасности. Может быть, она была снаружи, чтобы предупредить Иисуса, чтобы он увидел — такое поведение заведет его в беду. А потом пошла за ним и смотрела, как ее сын умирает, не зная, будет ли он воскрешен.

Думаю, были моменты, когда Мария злилась на Иисуса за то, что он следует своему призванию. Должно быть, она думала, что ее сын отворачивается от семьи, от того, чему она его научила. Она наверняка считала, что он принимает неверные решения. И все же в тот час, когда он нуждался в ней больше всего, она была рядом.

Мы не видим историю глазами Марии — только глазами Иисуса. Что бы она могла рассказать? Что могла бы рассказать моя мать?

Я знаю, были времена, когда я не был терпелив, когда оставлял ее снаружи, когда говорил, что моя семья — другие люди. И все же она оставалась со мной — хотя, разумеется, не была идеальна. Я пытаюсь помнить, что это процесс для всех нас, и ей нужно время, точно так же, как оно нужно мне. Я пытаюсь впускать ее в свою жизнь настолько, насколько могу. Но для меня важнее всего то, что я даю ей знать — она моя мать, я люблю ее, я здесь. У меня все еще имя, которое она дала мне, я ее ребенок. Но я надеюсь, что однажды она назовет меня сыном.

Предательство Иуды

При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал.

И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел?

Матфей 26:25, 47-50

Иуда. Это имя стало синонимом слова предатель, а сюжет — один из самых известных в среди всех событий Страстной недели. Историю Иуды рассказывали и пересказывали, и все же она оставляет больше вопросов, чем ответов. Какая была мотивация его предательства? Говорила ли в нем жадность, хотел ли он тридцать сребреников? Был ли он разочарован в том, что Иисус — не тот революционер, насильственный радикал, которого он ждал? Почему Иуда так изменился сразу после того, как сдал Иисуса первосвященникам? Он вернул монеты и покончил с собой до того, как увидел пытки, которым подвергся Иисус. Почему он сразу почувствовал столько вины?

Иуда был одним из двенадцати — тем, кто бросил все, чтобы следовать за Иисусом. Мы мало знаем о жизни этого человека до того, как он стал учеником. В Евангелии от Матфея нет рассказа о том, как он принял решение следовать за Иисусом, хотя о некоторых других есть такие рассказы. Иуда не принадлежал к «внутреннему кругу», и кажется, что упоминается он только в негативном контексте. Конечно, мы знаем, что евангельские истории были записаны гораздо позже самих событий, и поэтому его «ненадежность» могла быть вписана в рассказ автором, который знал, как все закончится. Мы, однако, знаем, что он отвечал за деньги всей группы. Ему очевидно достаточно доверяли, чтобы поручить такое дело.

Демонизировать Иуду просто. Он предатель. Он мудака. В нем нет ничего хорошего. Сложнее рассуждать о том, почему он думал, что предательство необходимо; что побудило его сдать Иисуса властям. Кажется, что они на одной стороне. У них общее дело. И все же Иуда предает.

Когда я начал переход, то ожидал, что почувствую близость со всеми трансгендерными людьми, а еще — с ЛГБ-сообществом. Мы все-таки все в одной команде. У нас одинаковый опыт, одинаковые проблемы. Нас ненавидят одни и те же люди. Но я быстро понял, что людям, которые вроде бы со мной в одной лодке, сложнее всего от моего перехода. А поскольку я ожидал, что мы на одной стороне, их отвержение было тяжелее всего принять.

Иногда я заходил на сайты геев и лесбиянок и читал совершенно ужасные комментарии о трансгендерных людях. Там было полно ненависти и трансфобии. И я думал о том, почему люди, которые тоже угнетены, говорят такие отвратительные вещи. До того, как я осознал себя трансгендерным человеком, я был частью ЛГ-сообщества; тогда я еще чувствовал, что каким-то образом принадлежу к этому сообществу — а они говорили такие вещи про меня...

А еще есть споры в самом транс-сообществе: нужно ли делать медицинский переход и в какой степени; нужна ли открытость трансгендерному человеку; кому предназначены те или иные пространства и так далее... Иногда было очень мучительно защищаться внутри собственного сообщества; быть отчужденным от цис-сообщества (особенно в наиболее очевидные фазы перехода) и отчужденным от того сообщества, в котором я надеялся найти утешение и поддержку.

Почему мы нападаем друг на друга? Разве мы не можем отбросить собственный опыт и попытаться понять, через что проходят другие? Почему должны судить друг друга? На эти вопросы нет простых ответов. Легче было бы просто перестать пытаться сформировать сообщество: если геи и лесбиянки не хотят видеть меня в своем клубе, я сделаю свой! Мне плевать на то, как относятся к ним, если они плюют на меня!

Как мы должны отвечать, когда сообщество обращается против нас? Мы не видели примирения Иисуса и Иуды. И все же, даже в саду, Иисус был мягок с Иудой. Возможно, Иисус понимал, что у Иуды есть свои проблемы, с которыми ему нужно справиться, и осуждением тут не помочь. Моя первая реакция на боль, которую мне причиняют другие трансгендерные люди — защищаться, бить в ответ, настаивать на своей позиции. Но потом я отступаю на шаг назад, даю время передохнуть. Я понимаю, что мое право на свой путь может быть гарантировано только одним — свободой для всех. Мне нужен был медицинский переход. Другим нужно бороться с бинарностью. Но место должно быть для всех,

и только мы можем его создать. Мы должны прощать и быть мягкими друг с другом, должны помнить, что у всех нас свой путь, и он тяжел.

Иуда не мог стать частью сообщества, которое было не таким, каким он хотел. Но отказавшись от сообщества, он отказался от поддержки. Иуда не дал Иисусу возможности простить его. И в итоге, единственным человеком, кого он действительно ранил, стал он сам.

Переход и предательство близких: Петр

И, воспев, пошли на гору Елеонскую. Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада; по воскресении же Моим предварю вас в Галилее. Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнюсь. Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. Говорит Ему Петр: хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. Подобное говорили и все ученики.

Матфей 26:30-35

Петр, самый стойкий сторонник Иисуса. Импульсивный. Первый, кто провозгласил Иисуса Мессией. Кажется, что он, в отличие от остальных, «врубается, что происходит. В Петре Иисус находит ту поддержку, которую не могут дать остальные. Когда Иисус разговаривает с малой группой — двенадцатью — Петр всегда включен. Они всегда вместе. И все же, в самые тяжелые времена для Иисуса, именно Петр отвергает его. Что же такого есть в Петре, что не позволяет ему быть рядом с Иисусом тогда, когда это нужно больше всего? Он боится? Он беспокоится о том, что подумают другие люди, или что произойдет с ним самим? Может быть, он беспокоится за собственную идентичность, за то, что его отвергнут люди, с которыми ему хорошо. Но почему он поступает так, когда уже отказался от своего ремесла и семьи, чтобы следовать за Иисусом? Почему он не может сделать последний шаг?

Когда я впервые осознал, что я трансгендерный человек, я был женат. Более того, именно моя жена спросила меня первой, не трансгендер ли я. Она что-то понимала тогда, когда даже до меня не доходило, что со мной происходит. Вначале именно она поддерживала меня больше всех, обещала быть со мной,

когда я расскажу маме, когда я сделаю камин-аут в семинарии, когда я начну переход. Во время операции на груди она была рядом и заботилась обо мне после (хотя, как я узнал уже потом, на этом этапе у нее уже были сомнения). Но после всех этих этапов перехода она решила, что я ее больше не привлекаю, и мы разошлись.

Ей было сложно с моей идентичностью, сложно было быть с женщиной. И хоть она и поддерживала мой путь, ей было слишком сложно оставаться в партнерстве. Когда моя трансгендерность стала невидимой, ее идентичность лесбиянки тоже стала невидимой. В то время, когда я идентифицировал себя как мужчину, а не как трансгендера, она чувствовала себя преданной. Поэтому, несмотря на все брачные обеты, несмотря на все обещания, нам пришлось расстаться.

Этот рассказ не для того, чтобы демонизировать ее, а чтобы показать — даже те люди, которые по нашему мнению поддержат переход и будут рядом, могут отказаться от нас. Я не имею в виду, что они не примут наши идентичности (хотя и это происходит). Я говорю о том, что они не смогут оставаться нашими партнерами, что они поймут, но не смогут продолжить отношения. Им нужно будет идти по собственному пути.

Мы знаем, как заканчивается история с Петром: они с Иисусом примиряются, Петр становится одним из основателей церкви. Петр поддерживает отношения с иудейским сообществом, пытается его реформировать и проповедовать учение Иисуса. Но мы не видим, как развиваются отношения Иисуса и Петра после воскресения. У нас есть немного информации о том, как произошло их примирение, но даже в эти моменты видно, что с обеих сторон остается много боли. Иисус испытывает Петра, он три раза спрашивает: «Любишь ли ты меня?» Должно быть, это ранило. Должно быть, Петру было сложно вспоминать, как он ушел. А что думал Иисус в этот момент? Пытался ли он восстановить связь с Петром? Он наверняка знал, что его вопрос, повторенный три раза, был очень болезненный для Петра. Но я это понимаю; иногда мне очень хочется задать вопросы людям, которые не смогли остаться. Эти вопросы были бы очень болезненны для всех, но они могли бы привести к миру, к восстановлению отношений. Ну так вот — хотя мы и видим примирение, я думаю о том, продолжали ли Петр и Иисус проводить столько времени вместе?

В этой ситуации и поведение Иисуса, и поведение Петра, вполне оправдано. У Иисуса, разумеется, есть право испытывать боль оттого, что Петр его предал — да каждый бы ее чувствовал на его месте. А у Петра были причины отвергнуть Иисуса: он был растерян, напуган, он чувствовал, что теряет себя. Он наверняка мог разрешить это более конструктивно, но на самом деле все мы иногда делаем вещи, о которых потом жалеем. Я думаю, Петр жалел об этом.

В ситуации с моей женой все были правы. Мне было нужен переход. Она не испытывала влечения к мужчинам, ей нужна была женщина. И то, и другое совершенно понятно; к сожалению, ни я, ни она не были людьми, в которых мы нуждались. Мы все еще можем поддерживать отношения, но эти отношения обязательно будут выглядеть совершенно по-другому. Мы — части разных сообществ, мы больше не принадлежим к «внутреннему кругу» друг друга. Она все еще поддерживает мой переход, но не как партнер, не как жена. Все было сложно, но все кончилось так, как было нужно и мне, и ей.

Во время любого перехода найдутся люди, которые не смогут справиться с этим изменением. Люди, которые сотрут нас из своих жизней. Люди, которым нужно будет прервать контакт ради собственной безопасности. Разговаривать с ними будет сложно. Иногда мир будет восстановлен — возможно, месяцы и годы спустя. Иногда мы сможем продолжить отношения — партнеры станут друзьями, друзья — знакомыми. Это болезненно, и иногда мы спросим у такого человека: «Любишь ли ты меня?» с надеждой, что он ответит: «Конечно, люблю».

Моление о чаше

Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. И, взяв с Собой Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя. И, придя, находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели. И, оставив их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово. Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им: вы все еще спите и поживаете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников; встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня.

Матфей 26:36-46

Иисус знает, что нарывается на неприятности. Чувствует, что конец близко. Знает, что Иуда вот-вот предаст его. Знает, что Петр отречется. Его ждет боль, страдания. Этот эпизод — темная ночь души для него. Он направляется в тихое, спокойное место. Поскольку Иуда отлично знал, где его искать, можно предположить, что Иисус часто бывал там и раньше. С собой он берет только

самых лучших друзей — тех, кому он впервые сделал камин-аут, тех, кто был с ним все это время — и просит быть с ним, не спать.

Потом он уходит, чтобы немного побеседовать с Богом. Он встревожен и расстроен, он скорбит о том, что вскоре случится и молит Бога о том, чтобы его миновала эта чаша. Он умоляет о том, чтобы все было по-другому, чтобы нашелся другой путь. Но даже в начале он осознает, что может не получить того, о чем просит. После напряженной молитвы Иисус возвращается и видит, что друзья спят. Он упрекает их и просит молиться о силе, потому что иначе они могут не выдержать того, что будет дальше. Потом он снова уходит, чтобы помолиться.

Во второй раз он снова обнаруживает, что друзья спят, но в этот раз он не будит их. Представляю, как он был раздражен тем, что они все время засыпают! Но все же он поступает мягко — не будит их, не ругается. Потом уходит в третий раз, молится, будит друзей и готовится к тому, что случится дальше.

Думаю, многие из нас могут найти себя в этом эпизоде. Темная ночь души. Те моменты, когда мы думаем, почему нам так тяжело, что об этом думает Бог. Мы просим Его, чтобы нам было лучше, чтобы было не так больно, чтобы урок преподнесен в другой форме.

До начала перехода бывали моменты, когда я определенно хотел, чтобы все было по-другому. Я хотел научиться жить как женщина, я хотел быть счастлив в собственной коже. Я умолял Бога дать мне примириться с собой. Меня охватывал беспокойство о будущем — о том, с чем я столкнусь, о том, что я потеряю семью, партнера. Я беспокоился, что и после перехода останусь несчастен, что мне будет мало. Я не был уверен в том, что смогу найти работу, что друзья останутся со мной, что ко мне будут относиться нормально. Мне нужно было найти деньги на переход. Операция тоже беспокоила. В общем, я просил Бога: да минует меня чаша сия.

В этом отрывке есть еще кое-что интересное: разговоры Иисуса с друзьями. Легко понять, почему он расстроился, когда они заснули. Разве они не знали, что будет дальше? Разве они не могли поддержать его? Они что, не слушали, когда он говорил о будущем? В моем переходе были времена, особенно в начале, когда я не чувствовал, что получаю нужную поддержку от друзей и жены. Но оглядываясь назад, я понимаю, что в этом нет их вины. Они поддерживали меня как могли, но иногда их не хватало на все. Переход был для меня чем-то всеобъемлющим, он захватил меня, вытеснил все остальные мысли. Я заикливался на всем: считал каждый новый волосок, разрушался, когда меня не воспринимали в нужном гендере. Ни один человек не мог бы дать столько поддержки, сколько мне хотелось. Иногда я взрывался: «Ты что, не можешь еще минуту послушать?» В сцене с Иисусом мне нравится то, что он кричит на них первый раз, но потом не будит. Кажется, он понимает (то, чего я не мог понять), что им нужно время отдохнуть, не иметь дело с переходом постоянно. Моим друзьям хотелось поговорить о чем-то еще. Повеселиться, не затрагивая тему перехода. Это я понял уже гораздо позже.

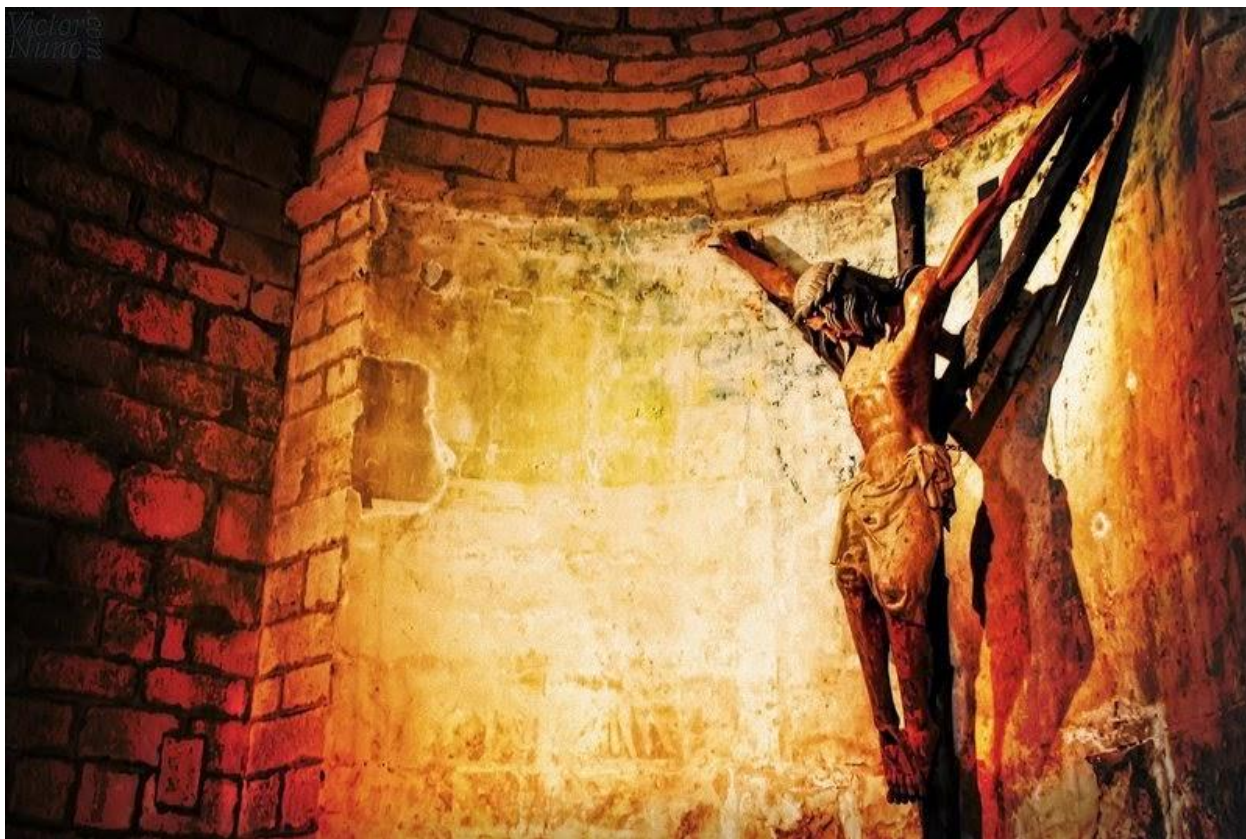
Думаю, что нам, трансгендерным людям, важно понимать — иногда людям в нашей системе поддержки нужно просто поспать. Отдохнуть. Им самим нужна поддержка. Им нужно проветриться. Повеселиться. Поговорить о чем-то кроме перехода. Я прекрасно понимаю, что переход — время, ориентированное на себя,

но ни для партнеров, ни для друзей мир не останавливается, у них остаются собственные проблемы, желания, страхи. Нам нужно давать им время на отдых.

После разговор с Богом я понял, что мне нужно сделать переход. Я понял, что это — единственный выбор, даже если я потеряю семью и жену; даже если я не найду работу; даже если моя жизнь станет сложнее. Мне нужен был переход, и я был готов к любым последствиям. Мне нужен был переход, чтобы воля Господа совершилась в моей жизни, чтобы я стал тем, кем Он замыслил меня. Мне нужно было пойти в Иерусалим. Конечно, какая-то часть меня очень хотела перейти сразу к воскресению и пропустить все остальное, и во время моего пути я отчаянно хотел сразу перенестись в будущее, когда все будет хорошо, когда не будет боли. Но в итоге именно этот путь сделал воскресение оправданным.

Иисусу нужно было время в саду, чтобы подготовиться к тому, что ждало впереди. Другьям нужно было время отдохнуть, чтобы они лучше могли поддерживать Иисуса. Все мы делаем то, что нужно, чтобы пройти через тяжелые времена. Борьба с Богом не делает нас менее верными, это просто честность в том, что иногда очень сложно следовать Его воле. Думаю, Бог приветствует такие разговоры.

Распятие. Воскресение. Переход

От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?

Матфей 27:45-46

Большинство из нас знакомы с историей распятия. Я рос в евангелической церкви. Там об этом рассказывали в кошмарных подробностях, говорили, что все это случилось из-за нас, чтобы заставить людей немедленно посвятить жизнь Христу. Я помню, как мне рассказывали ужасные детали о распятии Иисуса. Как будто чем кровавее они были, тем более убежденными христианами стали бы слушающие.

Когда я покинул церковь, то перестал думать о распятии. Мне не хотелось иметь никаких дел с этой историей. Меня тошнило от богословия, которое строилось на том, что невинный человек страдает из-за того, что сделали совершенно другие люди. Мне не хотелось иметь ничего общего с Богом, который требовал пыток, чтобы насытить свой гнев. Я перестал верить, что Бог требовал жертвы от Иисуса, чтобы спасти мир от греха. Вместо этого я верил в политический акт: я верил, что Иисус настолько привержен тому, что говорить правду о власти, что он добровольно умирает на кресте. Его готовность умереть не уменьшает ужаса казни или испорченности политических систем, которые предпочитают убить невинного человека.

Я понимаю, что писать о распятии в трансгендерном нарративе сложно и порождает вопросы, так что сразу проясню: я не говорю, что переход — это так же ужасно, как распятие или пытки. Да, болезненные моменты есть, но это, конечно, ничто по сравнению с казнью через распятие. Никакое страдание не должно оправдываться и тем более прославляться. Скажу сразу: тенденция прославлять людей только за то, что они страдали, кажется мне совершенно неправильной. Мне кажется, мы должны обращать внимание на то, что люди пережили страдание и работают над тем, чтобы его становилось меньше. Когда я говорю о страдании, я имею в виду насилие, пытки, болезни, бедность. Существует много богословий, которые утверждают, что люди должны принимать страдание, потому что Иисус тоже страдал. Такие богословия используются, чтобы убеждать женщин оставаться в насильственных отношениях; чтобы говорить людям, что нельзя бороться с системами, которые порождают нищету; что каким-то образом люди должны быть счастливы в страдании и радоваться, что в следующей жизни их ждет лучшая жизнь. Для меня это — полный бред и антитеза всему, что написано в Евангелиях. Простите, что я выражаюсь так жестко, но я просто не могу не сказать этого. Иногда мы страдаем, но в страдании нет ничего хорошего. Иногда страдание приводит нас в лучшее место, к лучшей жизни, помогает найти силы. Эти результаты, конечно, хороши, но это не значит, что они оправдывают страдание. Теперь мы можем начать.

Медицинский переход — интересная тема. Это целый путь, на котором есть остановки. В определенном смысле это опыт распятия — в том смысле, что это похоже на медленную смерть. Человек, которым вы были, медленно умирает и исчезает.

Мой переход начался с того, что я принял свою трансгендерность и понял, что мне нужен медицинский переход. Я рассказал жене и нескольким друзьям, а потом начал искать психотерапевта.

На самом деле, мне повезло: там, где я жил, для того, чтобы получить разрешение на медицинский переход, нужно было только информированное согласие: мне объяснили, какие есть риски, какие будут эффекты, а потом я подписал согласие. Тем не менее, психотерапия казалась мне важной, и я обратился к ней.

Это был прекрасный опыт. В основном мы говорили о проблемах, не связанных напрямую с моей гендерной идентичностью. Психотерапия подготовила меня к переходу и дала инструменты, чтобы справляться с такими сложными вещами как камин-аут семье, проблемы с партнером, учеба во время перехода, и так далее. После нескольких месяцев терапии я начал переход: пошел к доктору, сдал анализы, потом мне назначили тестостерон и сделали первый укол.

Я делаю уколы в бедро каждую неделю. Мне придется делать это до конца жизни. Потом мне нужно было сделать верхнюю операцию. Страховые компании не покрывают переход, да я и не был застрахован в тот период, поэтому платил за все сам: за операцию, за постоперационный уход, за отпуск. К счастью, мне удалось занять денег, и через год после начала гормонотерапии мне удалось сделать операцию.

До операции я носил утяжку. Поверх утяжки — два слоя одежды. Даже летом. Это было неудобно и ужасно жарко. Утяжка впивалась в бока и оставляла следы. В начале гормонотерапии я постоянно чувствовал жар, поэтому в утяжке было

совсем невыносимо. И это я не говорю о том, что мне в принципе было ужасно из-за того, что у меня была женская грудь. Я ненавидел ее с подросткового возраста, но с началом перехода все стало совершенно невыносимо.

Я продолжал еженедельные уколы, пока ждал операции. Мой голос опустился, жир перераспределился, постепенно начали расти волосы. Мышцы развивались быстрее. Месячные остановились (это было замечательно), но в общем-то у меня была одновременно менопауза и пубертат.

Иногда изменения были невыносимо медленными. Я смотрелся в зеркало и не видел ничего нового. Иногда мне удавалось заметить человека, которым я становился, и я чувствовал огромную радость. Люди все еще путали местоимения, я все еще не знал, в какой туалет безопаснее ходить. У меня все еще была грудь, которую я ненавидел.

Это время было временем смерти. Я умирал и становился кем-то новым, непонятным. Во многих отношениях я застрял между: между тем, кем я был и тем, кем я стану.

Переход — это одновременно очень публичный и очень интимный процесс. В истории Страстей есть эпизоды, в которых Иисус один. Есть моменты, когда с ним друзья. Но в конце все люди, которые были рядом, преобразились, каждый и каждая по-своему.

Ничего не происходит сразу. Переход — это процесс, и часто болезненный. Многие люди вокруг не понимали этого. Мне было болезненно справляться с тревожностью перед каждым уколом (который тоже был болезненным). Я боялся, что больше не смогу петь, что не смогу подбирать правильные слова.

Посреди всего этого разрушался мой брак. Та, которая поддерживала меня больше всех, уходила — уходила от того человека, которым я должен был быть. Она смотрела, как умирает человек, которого она любила, и не могла этого вынести.

Хотя я знал, что оно того стоит, процесс во многом был просто отстойным. И в процессе физических и психических изменений я все еще должен был учиться, работать и пытаться спасти брак. Были сложные периоды, когда я не знал, смогу ли пойти до конца. Были темные моменты, когда я беспокоился о том, примет ли меня семья, не выгонят ли меня из семинарии. Я боялся, что никогда не стану пастором. А еще были моменты, когда я знал, что принял правильное решение, но все равно чувствовал себя брошенным, одиноким и видел только свою боль. Моменты, когда Бог молчал.

Это самое сложное — быть одному. Переход публичен, но во время него происходит столько, чего не видят другие люди; происходит столько изменений, что кажется, будто никто не видит тебя, будто ты один в темноте.

Но я всегда знал: даже если я умираю, даже если воскресения не будет, в моей прошлой жизни для меня не было жизни.